увствую себя преступником: вчера (на дворе июнь 2019-го) выпустил из стен Литературного института свой третий семинар, семь человек, уцелевших от почти двадцати первокурсников к пятому курсу.

Чувство преступности с годами лишь усилилось — зачем, куда? Ответ: в ад обыденности, из которой ни выхода, ни возврата. Я-то останусь. Наберу новых семинаристов, а как же они?

Им — устраиваться копирайтерами, журналистами, младшими редакторами, мелкой — «поди-подайпринеси» — лингвистической прислугой. Простыми словами, шелупонью, которую первую сократят «из-за недостатка финансирования», обрекая на многомесячные странствия по собеседованиям. Если не могущественные родственники постарше, пропадай, как знаешь. Сам изведал, пробороздил из края в край нескончаемые медийные болота, где или с наручным блокнотиком по задворкам провинциального телевидения бегать, или унитазы описывать (товар, товар!), или вообще с профессией расставаться. Умирать от горя.

...Почему их так мало? Дело не только в декретных отпусках (их-то при нашей рождаемости и вправду единицы), внезапном буйном сумасшествии или ином нездоровье, а в общей апатии: Литинститут подает надежду на ту жизнь, которой нет, так зачем продолжать? С иллюзиями молодежь расстается в округе двадцати — достаточно пары курсов для того, чтобы

понять, что ремесло стихослагателя никуда, кроме как в унизительное рабство у подлых и жадных выродков, не приведет.

Потому и стихотворения их - о невыносимости мечты.

Вот калужанка Аня Архипенко:

Из года в год, из декабря в декабрь Я говорю себе с наивностью подростка: На этот раз мой маленький корабль Ждет полный штиль. Все будет очень просто. Придет январь — утихнет океан Страстей и драм, как в вечном сериале. И перестанет плакать капитан, И жизнь ругать, как нищий на вокзале.

Чувствуете, как похоронно звучит это «из года в год, из декабря в декабрь»? А вот Антон Кобец из Шатуры:

Отторгнуть Божие начало, Спуститься к пращурам моллюскам, Туда, где колыбель качала— Волна. Ни персом быть, ни русским—

почти совсем в мандельштамовском духе, когда обращается он умственным взором к лестницам Ламарка и разрядам насекомых: жизнь словно замерла, не желая никак себя обозначать, игнорируя страстный выдох юности о том, что она, юность, — есть, и требуется ей,

Что нам в этих годах? Раскол славянства и православия, Крым-Донбасс, неведомые прежде Сирия и

кую жизнь, а та отблескивает бессмыслицей.

как воздух, смысл бытия. И зовет юность к себе вели-

Венесуэла — скандалы, призванные отвлечь от главного: нас — нет. Мы не предусмотрены, мы воспри-

нимаемся как нелепое излишество на лике жизни, которая, как и куда ее ни зови, будет двигаться к мегамоллам по выходным, шашлыкам по Пасхе и всеоб-

щему отупению. Отступить? Смириться? Встроиться в исполинский лад беспечно-грозного новодела? Навеки за-

муровать себя в блистающих коробках офисных лифтов, скоростных поездах, слиться с полками строительно-ремонтных супермаркетов, осознавая себя недостаточно хорошо или, напротив, вполне сносно, в зависимости от доходов, рекламируемым

Вера Леонова из Рыбинска:

товаром?

Лик не собрать нам, осколки врут. Чем-то задет — расскажи в инсте: Выложи осень, комарный гуд,

Фырканье поезда, смерть жука...

Так обретаешь себя на раз.

Полнится светом айвовым день,

Лишь научились ворон шугать, Твердо уверены: мы - о нас. Жестче и я бы не выразился: все эти наши семи-

мошек из-под неровно бугрящейся текстовой кожи. Но в поэзии самое тихое, самое вполголоса, в четверть его всегда звучит особенно громко. Факт почти неоспоримый: в новой демократическо-либеральной России, изболтавшейся по пустякам, стало не о чем говорить. Молодым не о чем, кроме них самих. Не о

Вторит ощущению Веры и Маша Кальжанова из Москвы:

пусто в зрительном зале, пусто в твоей голове, мы сидим на сцене, с края ногами болтаем, о тебе болтаем и обо мне

Примерно так пусто и в людях, и в душах их, и в «информационном пространстве», лающем на каждого входящего в него. «Ленин-партия-комсомол» давно сменились на триаду любого иного вида («Деньги-киллеры-карнавал» 1990-х - «Иннова-

пояса» 2010-х). Все слишком понятно: дети богатых

станут богатыми, детям бедных предречено сделаться

И снова Мария Кальжанова:

ровой порядок.

я могла бы растить не своих детей, правда, наверно, под ветками яблонь плетеный качать гамак,

у них слугами или погибнуть под забором. Новый ми-

слышу себя в перестуке капель о жестяной

влияю, призывая вслушиваться в себя и в неверные

«платные публикации» наиболее «встроившиеся в рынок» научные кафедры, но вот уже рушатся один за другим толстые литературные журналы, о которых

нарские бдения над строчками товарищей и соратников — не более чем шугание ворон, выколупывание

ции-страх-распил» 2000-х годов и «Крым-затягивай-

что счет потерян.

в прятки в саду вечернем играть и в поле плести венки, а я в слова облекаю капризной вечности завитки, но прерывистый голос мой все еще слаб и тих, если в начале слово, то что в конце, и как до него дойти,

есть во мне и слова, и мысли, только нету во мне меня Вы не думайте, я не специально подбираю такие

отрывки. Все мои выпускники 2019 года так или ина-- 06 этом, не произносимом на телевидении, не звучащем на радио и не вывешиваемом в Интернете на всеобщее обозрение. И сам я об этом, кажется, уже двадцать лет. Видимо, сам виноват, что так на них

подоконник дня,

токи воздуха вокруг. Стране, разменявшей собственное будущее на медяки чужого, конечно же, никакая поэзия не нужна. По инерции еще «функционируют» гуманитарные вузы (готовят тех самых слуг, оформляющих словесно новый порядок), пробуют чеканить монету за

99 % населения страны уже почти тридцать лет ничего не помнят. «А что, разве "Новый мир" еще выходит?!» Да лучше б не выходил. Институционально гуманитарная сфера расклевана до состояния полной пестроты, в которой неразличим ни шедевр, ни поделка. Не стоит обманываться миллионом ярких обложек: за ними ничего нет. И за тусклыми тоже мало что кроется, кроме

вопля отчаяния об упущенных исторических шансах. И снова будто рвутся перепонки, И на меня бросается она. Я вижу, как меня, еще ребенка, Беззвучно убивает тишина —

говорит Маша Кальжанова, донельзя пересекаясь тут с Мандельштамом, который, как помните, о «тишине паучьей», обступившей некогда народонаселение Советской страны. Что изменилось? Ничего. Технологии оболванивания народа дошли до высшей стадии: никто не дернется. Коммунисты потрясут стягами, а пенсионный возраст повысят. Народа нет, нация растеряна, ей уже столько лет все равно, что с ней делают,

где напрочь растерян уют. На скатертях жестких холщовых тяжелые тени снуют. Поэт провидит мучительную, негордую смерть ко-

гда-то умевшей радоваться цивилизации:

Внутри декупажных хрущевок,

Никита Показанников (Ставрополь):

Наутро, по скользкой дорожке, по лезвию льда под ногой

уходят в метель неотложки и то хорошо, не с тобой.

Чудно, что не с тобой. «Умри ты сегодня, а я завтра». Не подходите к упавшим на улице, какая разница, умирает или пьян. И то и то - смерть, быстрая или медленная. Как в тридцатые в Поволжье. Не надо отворачи-

самосознания трудящихся и бездельничающих масс. Марина Кузьмина (Москва):

ваться: таков, именно таков метафизический уровень

Нас заберет прилив, нас увлечет на дно. Ты не вернешь себе мира, спокойных дней. В город придет волна. Там, за волной, темно.

Если лететь — куда? Нет ничего за ней.

И - значимое дополнение уже о поколении: Убитым в начале эры

стриальный пейзаж:

Не пишут хвалебных од.

За них не звенят фужеры, По ним не скорбит народ.

Кузьмина подмечает экзистенциальный диском-

форт, но выхода из него в какую-либо сторону (природа, вера) не видит. Вот он, наш вечный постинду-

лице. Легитимен и может рассчитывать на безбедность лишь официальный подонок, вор, сумевший сделать из своего воровства и подонства поднос для подношений. Непостижимо, зачем, но каждый из лощеных мизераблей зачем-то нужен системе, а вот поэт - нет. Вакансия его схлопнута вместе с общественной сове-

В электричке открыты окна,

кто-то мерзнет, кому-то душно. А за окнами проплывают

километры московской суши.

и испуганный остов церкви -

Сначала был искажен, сведен к потребительскому скотству образ человека, затем исчез и сам человек.

И продрогшая тень завода,

Все стоит на воде и тонет, все стоит на свету и меркнет.

Камилла Багирова (Смоленск):

Мы, наверно, останемся где-то

Молчаливым дрожаньем теней, В предрассветных вмятинах гетто На заплеванной светом стене,

Где земля выдыхает из трещин

И картинка становится резче,

агония никем не замечаема.

Приближаясь навстречу тобой.

И хрипит в неизвестность «допой».

О чем здесь петь? Как больно, милая поэзия, как странно, что ты ничего больше ни для кого не зна-

Нам всем надо переучиваться жить, «пересмотреть приоритеты», выбегать из зон комфорта, говорят нам знатные рыночники, социологи и психологи в одном

чишь и никому ни о чем не говоришь, кроме как о том,

что умираешь и уже почти умерла. И твоя уличная

стью, не обретаемой в «гражданском обществе». Ни-

ного волшебства времени и пространства.

буду знать, куда и зачем посылать.

какой прибыли с рифмача, кроме разоблачения чер-Я послал их не на смерть... в жизнь, но лучше бы нам не разлучаться надолго. Только я и пойму их. Отныне — редкие письма, подборки, которые я уже не